

РАЗГОВОР О САМОМ ВАЖНОМ

Да, в тот вечер в Центральном Доме работников искусств очень шла о самом важном для нашего советского искусства: о его партийности.

Среди черт, отличающих будущими нового, социалистического мира, ведущую, бесспорно, составляет коммунистическая партийность. Сознательно ставят советский художник свое искусство на службу делу Коммунистической партии; под ее знаменем он мыслит и творит в марксистско-ленинской теории; находят твердую опору для выработки своего мировоззрения, своих эстетических взглядов, творческих принципов.

Наше искусство развивается под знанием коммунистической партийности. Под этим знанием оно несет народу подлинные художественные ценности и заслуживает право называться народным искусством. Партия и народ у нас нераздельны. Партийность и народность искусства органически сплиты и неразрывны.

Никто так же не подвергается нападкам со стороны идеологов империалистической реакции, как партийность советского искусства. Верю в служение художественной интеллигенции рабочим классу и трудящимся народу глубокую убежденность в правоте дела коммунизма, неуклонное следование указаниям партии наши врачи стремятся всячески очернить и опорочить и делают это именно потому, что в коммунистической партийности — сила нашего искусства.

Выступившие на вечере в Центральном доме работников искусств дали достойную отвиде на нападки на советское искусство, на социалистическую реалистике, осудили реформистские попытки некоторых деятелей за рубежом пересмотреть принцип партийности в духе раскольнической теории «национального коммунизма».

Вечер проходил под председательством Б. Ржанова, председателя ЦК союза работников культуры. В обсуждении приняли участие: министр культуры ССР Н. Михайлов, писатель А. Сурков, народный художник ССР К. Юон, народный артист ССР кинорежиссер С. Юткевич, актер Малого театра Е. Матвеев, народный артист РСФСР Б. Захава. Мы публикуют сокращенное изложение речей некоторых участников вечера.

Из выступления Н. Михайлова

Подежность вечера, посвященного вопросу о партийности в искусстве и литературе, несомнена. Важно глубже вникнуть в существо этого вопроса, имеющего грандиозное значение для развития культуры.

Замечательно высказывание В. Ильинки о принципах партийности литературы и искусства, составляющих основу нашей марксистско-ленинской эстетики. Вызов, который мы из этого лезем, состоит в том, чтобы всегда и во всем проводить и отстаивать ленинские принципы.

В наше время это тем более необходимо потому, что идеологическая борьба обострилась. Мы видели многочисленные попытки реакции организовать наступление на силы прогресса. Но никакими прецедентами нельзя сломить прогрессивные силы, если разумные силы, которые принадлежат будущему. Наша демократия и социализм идеализмы. Теория марксизма-ленинизма «спасает» каждого политического художника путем служения народу, учредителям коммунистической партийности в художественном творчестве.

Не дало же сегодня у нас было интересная беседа с пытавшимися художниками позднего времени С. Г. Бородицким, двухлетним Ленинским премией. Сергей Тихомиров рассчитывает мало из своих будущих творений на большую роль своей многосторонней жизни. Он предполагает создать для выставки в честь сорокалетия Советской власти новую работу. Она будет изображать героя — хотя-то скованного пленца Самсона, разрывавшего цепи рабства, разрушавшего старый мир насилия, эксплуатации, зла. Этот образ Сергей Тихомиров рассчитывает как выражение победы нового над старым, как могучий символ, который должен быть живым воплощением народной борьбы во имя человека.

Такое глубокое проникновение идеологии марксизма-ленинизма в сознание современной интеллигенции, так окрыляет она ее творческий труд, ее служение народу, строящему коммунизм.

Современная художественная борьба не является сюда в жизни литературы и искусства? Ведь они не являются тем стеклянным блоком. Обстреляне идеологической борьбы налагает свой отпечаток на развитие литературы и искусства.

Позовите мне в этой связи несколько некоторых вопросов и прежде всего вопрос о социалистическом реализме. Я говорю о той наивной теории «национального коммунизма» и других многочисленных попытках с тем или иным пособием решить научную идеологию революционных масс, какой является идеология марксизма.

Может ли идеологическая борьба не являться сюда в жизни литературы и искусства? Ведь они не являются тем стеклянным блоком. Обстреляне идеологической борьбы налагает свой отпечаток на развитие литературы и искусства.

Позовите мне в этой связи несколько некоторых вопросов и прежде всего вопрос о социалистическом реализме. Я говорю о той наивной теории «национального коммунизма» и других многочисленных попытках с тем или иным пособием решить научную идеологию революционных масс, какой является идеология марксизма.

Из выступления А. Суркова

Литература наша за сорок лет, которые она существует в качестве новой литературы, никогда не была стеснена тем, что партия осуществляла свое руководство развитием литературного процесса.

Партия своеобразно приходила к нам на помощь со своей мурзилкой. Так было после гражданской войны, когда партия решила вопрос о Пролеткальте. Так было в 1925 году, когда надо было определить отношение партии к поэтической картине бытия социалистической реалистике. Так было 25 лет назад, когда партия революционно решала вопрос, подготовленный жизнью — вопрос о создании общей краинки на нашей литературе. Так

На вечере в Центральном доме работников искусств. Выступает народный художник ССР К. Юон. Фото Е. ЯВНО.

тиность, — появляется Лопатин, который упирается собственными страданиями. Когда перед вами судьба Ильинки, Розина, Корчагина, то в них выражены правильный исторический взгляд на вещи. А когда вы знакомитесь с Лопатиным и героями рассказа А. Ильина «Рычаги», вы видите, что эти люди не представляют собой общества, которое за сорок лет сделано на плавательные величины, хорошего, пребывающего народа.

Надо помнить об ответственности художника за свои произведения. Если мы создали новостями из жизни советского кино в конце сороковых — начале пятидесятых годов, — то вину за это несет не я, а я, который

рекламировал, либо вызывал, либо художники, которые отвечают перед обществом за то, что делают.

Более того мне хотелось особенно подчеркнуть на этом вечере: где программа, которую партия выдвигала перед нашей литературой еще в 1905 году, начиная со статьи Ленина, с привлечением Ленина с Горьким, эта программа не только не сковывала творческих сил литераторов, а, наоборот, поднимала их, помогала написать «Тихий Дон», «Доктора Живаго», «Маленький циник» и много других неумирающих произведений.

Из выступления Е. Матвеева

Я хочу поделиться с вами одним фактом своей актерской жизни. Второй заставил меня очень серьезно подумать над смыслом, целью искусства. Десять лет назад в новосибирском театре «Красный факел» пела Мария Максакова «Навсегда». Я играл Гонку. Сын рабочего, он с разношерстным папой участвует в большой партийности, того революционного пафоса, которым полна пьеса «Владимир». И я удачно не знал, а внешними чертами образа Гонки как «запасных».

Это обсуждение на всю жизнь осталось у меня в памяти. Оно заставило меня переоценить отношения между единомышленниками и партийностью.

Зрителю благодарен за то, что спектакль, да ту партийную мысль, которая заложена в пьесе.

Любое искусство можно трущиться, вынуждаться к совершенству во времени, но в конечном счете это не значит, что оно несет в себе вспышки поэзии.

Сейчас я буду говорить о пьесе Е. Маргуланова «Маргарита и Гонка».

Мне кажется, что когда мы говорим, что один из основополагающих принципов находит в黨ности марксистско-ленинской эстетики, одна из основ истока социалистического реализма — партийность нашего искусства, мы говорим верно, но не совсем точно.

Говорить нужно не просто о партийности нашего социалистического искусства, а о его созидающей, откровенной, свободной, боевой, наполненной силой, но уходит человеком от реальности, ибо уходит человеком от партийности, не проявляя ее в пьесе.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Если будущий художник и туманит, что искусство — их занятие, индивидуальное дело, тешат себя плюшевыми, бутылками, то он не может создать свою пьесу, превратив ее в пьесу о любви и ненависти.

Из выступления С. Юткевича

Несколько лет назад один бельгийский киножурнал решил провести анкету среди деятелей мирового кино и задал им только один вопрос: «Какой фильм в мире вы считаете лучшим?» На первое место по голосам оказался фильм «Искатель».

Если бы внимательно рассмотреть пьесы зарубежных драматургов из советской словесности, то можно было бы заметить, что все лучшие фильмы были созданы для зрителями, которые не знали языка, на котором говорят.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

Однако же Франция и Англия, которые не знают языка, на котором говорят, не могут создать хороших фильмов.

ХОРОШИЙ ФИЛЬМ

Николай Рыбинов в роли Пасечника и Нина Мамонова в роли Кати.

ИТАК, на экране строительство, труд монтажников, спарщики, верхолазы.

Случилось так, что несколько последних лет мы почти совсем не видели в кинофильмах рабочих.

Перебрая в памяти лучшие фильмы последних лет, приходишь к выводу, что работа, социальная деятельность героясовременности — рабочих служила в большинстве случаев лишь фоном для перенесения личных, любовных.

Вспомнил трудовые традиции есть, вероятно, в семье Лутовиновых из фильма «Испытание верности». Но мы быстро пробежали, мимо маргинальных печей в сияльно отцовствующей женщины, брошенной мужем. Герой фильма «Урок жизни» Сергей Ромашко — великолепный инженер, но мы осудили его за будущее отношение к жене. И даже в прекрасной картине «Большая семья» тема труда заставила в полную силу дышать в образе старика, который не только не жалел, а не мог уйти с родного завода; на первый же план выдвинулась тема любовной драмы его жены. Очаровательной своей прозаичностью настригли «Весна на Заречной улице», когда ее обитель герояходит с перечеркнутыми в свой дух аппарат не следит за ним.

Нет, не в окружении хороших фильмов пишутся эти строчки. Вопросы любви, морали, бытия сами представляются вспоминаями, поучительными, вспышками. Просто хочется напомнить, что могут быть увлекательные и такие картины, в которых на первом плане — вопросы труда, как «Встречный» и «Большая жизнь», например.

В рассказе Евгения Воробьева «Встречное утро» был описан волнующий случай на строительстве домов, намечены яркие образы верхолазов. Пасечник, бригадир Томаков. В романе «Высоты» Воробьев разделил рамки повествования, явил новых героев, но центральный случай — подъем «шарфа» на высоту в ветреную погоду — так бы отступила, побледнела. Отмыв не основное место занял этот случай и в фильме, хотя он и был драматизирован, превратил большое напряжение, большую эффективность.

Автор сценария Михаил Папазов главной вниманием сосредоточил на обрисовке внутреннего мира, психологию героя. И, конечно, сделано правильно, ибо именно духовный мир трудящегося человека привлекал внимание всеобщего поклонения.

Правда, сценарист предпочел остроумью драматическому конфликту свободное и несколько вялое сочетание эпизодов, каждый из которых написан хорошо, с математической точностью, с любовью к рабочим молодежи.

Почему же, можно спросить, «признался» героям и эпизоду конструирования на высоте, не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке. Отыгравшийся кардинал Дорабин вынужден братья монтажников начать подъем на не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке. Отыгравшийся кардинал Дорабин вынужден братья монтажников начать подъем на не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке.

Из-за этого фильма, кажется, верхолазы вернулись в кино.

Равнодушный кардинал Дорабин вынужден братья монтажников начать подъем на не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке. Отыгравшийся кардинал Дорабин вынужден братья монтажников начать подъем на не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке.

Из-за этого фильма, кажется, верхолазы вернулись в кино. Понимание конструкции на высоте, не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке. Отыгравшийся кардинал Дорабин вынужден братья монтажников начать подъем на не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке.

Из-за этого фильма, кажется, верхолазы вернулись в кино. Понимание конструкции на высоте, не поддающуюся для этого дела, слишком затруднительной походке.

Из-за этого фильма, кажется, верхолазы вернулись в кино.

Из-за этого фильма, кажется, верх

